

Могучий рост культуры

В газетной хронике недели две назад можно было прочесть короткое сообщение о том, что состоялась конференция молодых ученых Сибиря, на которой было заслушано 237 докладов, а в прениях выступало более 600 человек. В этой же хронике скупое, как о явлении обыденном, сообщалось также и о том, что в работе конференции приняли участие рабочие и колхозники.

Каменщик С. С. Максименко сделал сообщение «О поточно-конвейерном методе изданий», звеневшая колхозница М. И. Кострикина — «О методе получения высокого урожая в условиях Кузбасса», другая звеневшая Б. М. Кузнецова сообщила о своем опыте получения высоких урожаев арктических «каблук» 3700». Доклады эти получили высокую оценку конференции.

Другие короткие газетные информации, промелькнувшие недавно в хронике наших дней: знатный буржуй И. П. Яншиков в Свердловском горном институте дипломную работу по освоению одного из мелких месторождений Красноуральской группы; девушки из комсомольского зерна колхоза «Колос» приехали в Москву в академику Н. В. Пилину для того, чтобы посоветоваться с ней о дальнейшем повышении урожайности выведенных им сортов пшеницы.

Можно было бы напомнить и о многих других подобных примерах, но и сказанного достаточно для того, чтобы продемонстрировать, насколько содержательна и многообразна жизнь простых советских людей, насколько богат их духовный мир.

Советский человек — вождь. Советская теория и практика стало для него частью его жизни.

«Советское общество», — сказал тов. М. А. Суслов в докладе «Идеи Ленина вносят путь к коммунизму», — по праву может гордиться крупными достижениями в развитии культуры. В советской стране культурное строительство идет по своему культурному, так и по своему небывалому размаху является подлинно всенародным делом. «Нигде», — говорил Ленин, — народные массы не заинтересованы так настоятельно культурой, как у нас; нигде вопросы этой культуры не ставятся так глубоко и так последовательно, как у нас».

Великие идеи партии Ленина — Сталина вдохновляют наш народ на творческое создание коммунизма. Советскому обществу чужды «механические граждане», равнодушные, безучастные к происходящему, пассивные и безразличные к стремлениям всенародной деятельности. Кем бы ни был гражданин СССР — шахтером или заводчиком, солдатом или полководцем, рабочим или директором, — жизнь его неразрывно связана с жизнью всего народа, и его работа — часть общенародного дела. Его рабочее место — маленькая, но завоеванная и величайшая площадка, на которой мы ведем наступление в битве за коммунизм.

Патристы социалистической державы стремятся к высочайшему совершенству в своей практической деятельности для того, чтобы скорее прийти к намеченной цели: «В-д», «б-д», «в-д», «б-д» — идет на завод или в колхоз, а в академии идет на завод или в колхоз для того, чтобы поучиться у нас. Как у нас теория и практика становятся «винными и неразрывными», так социалистическая культура достигает тех высот, которые совершенно недоступны для буржуазной «культуры».

Буржуазная «культура», — это особенно отчетливо видно на примере Социалистических Штатов Америки, — служат импералистам для того, чтобы затенить сознание трудящихся, одурманить простых людей реакционными идеями, осуществить агрессивные, преступные планы, направленные против интересов трудящихся. Поистине, что такая «культура» чужда и ненавистна для всего передового человечества. Социалистическая же культура пробуждает и жизни все лучшие, прогрессивные, творческие силы человечества.

Несколько дней назад закончился съезд Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Это общество было создано в прошлом году для систематической и широкой работы по популяризации культуры трудящихся, для усиления работы по коммунистическому воспитанию советского народа.

Выступая перед широкой аудиторией, передовые люди науки и техники обогащают знаниями рядовых советских людей, а эти знания нужны им в борьбе за осуществление сталинских пятилеток. В процессе выполнения планов перед народом возникают все новые и новые задачи, культурные запросы масс растут, и это обязывает к тому, чтобы пропаганда политических и научных знаний была поднята на еще большую высоту.

Пропаганда политических и научных знаний должна быть боевой, воинственной, проникнута большевистской партийностью.

Великая роль в этом всенародном деле работников науки, техники, литературы и искусства. Большевикская принципиальность, пламенный советский патриотизм, страстность и воинственность в борьбе за новую культуру против современной расставленной буржуазной, против всех видов и форм буржуазных влияний, — вот необходимые качества, которыми должны обладать наши идейные борцы.

«В борьбе против пережитков капитализма партия использует испытанное оружие критики и самокритики, направляя огонь общественного мнения на все отсталое, что тормозит наше движение вперед. В разоблачении и преодолении всяких проявлений буржуазного влияния в области идеологии огромную роль сыграли решения Центрального Комитета партии по вопросам литературы, искусства и кино, а также проведенная по инициативе ЦК партии философская дискуссия. Принятые партийные меры по улучшению идеологической работы привели к новому подъему литературы и искусства, к повышению идейного уровня художественного творчества» (М. А. Суслов).

Испытанные оружие критики и самокритики помогут нам и в дальнейшей борьбе за высокий идеологический уровень советской науки, советской литературы, советского искусства.

Волею партии в нашей стране пробуждены и направлены в единый цели все творческие силы народа, и советское общество вправе гордиться тем, что мастерами социалистической культуры становятся у нас миллионы передовых строителей коммунистического общества. Все шире становятся культурный кругозор членов нашей социализма, все более просвещенным взором рассматривается он в открывающийся перед ним горизонт. И яркий неустанный свет большевистской науки и большевистского искусства призван помочь ему отчетливее увидеть, быстрее и увереннее прокладывать кратчайшие пути к коммунизму.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ Орган правления Союза Советских писателей СССР

№ 9 (2392)

Суббота, 31 января 1948 г.

Цена 40 коп.

Письмо министру

Уважаемый товарищ Ковалев!

Мне, как руководителю бригады писателей и журналистов, созданной Союзом советских писателей и «Литературной газетой», пришлось поработать на Камском целлюлозно-бумажном комбинате, изучить производство, познакомиться с его насущными нуждами. Мы писали к Вам, товарищ Ковалев, будет посвящено изучению лично мной Камскому целлюлозно-бумажному комбинату, хотя положение на других комбинатах Молотовской области — Витерском и Саянском — в части перевозок такое же, как и на Камском.

Перед тем, как изложить основные претензии к Вам, товарищ министр, мне хотелось напомнить и Вам, и читателям нашей газеты значение Камского комбината.

Камский комбинат, летние сталинские пятилетки, был закончен и введен в эксплуатацию в 1936 году. Это монументальное, современное, механизированное предприятие, возмужавшее волею партии в прикамской тайге. Камский комбинат — крупнейший поставщик отбеленной целлюлозы и типографской бумаги. 75 процентов самого распространенного сорта бумаги производится здесь. Все издания книг, идущих в широкие массы народа, печатаются на бумаге Камского комбината. И, кроме того, отсюда выходит 85 процентов всей типографской бумаги, производимой в СССР.

Не мешает напомнить эти общезвестные факты еще раз, чтобы смелыми, помогающими в порядке кооперирования работе этого комбината, прониклись уважаемым откликом к нему. Чтобы и вы, железнодорожники, поняли свою ответственность за доставку во все части страны продукции камских целлюлозистов и бумажников.

Почему об этом приходится говорить, напомнить, товарищ министр?

Потому, что отношение к комбинату со стороны работников железнодорожного транспорта вызывает серьезные опасения.

Чтобы не быть голословным, разрешите мне перейти к фактам. С Камского комбината не было вывезено на 1 января 1948 года 3.903 тонны бумаги — типографской, тетрадной, писчей, обложечной, мушкетерской и оберточной, около восьми миллионов школьных тетрадей, 1.253 тысячи кружков телеграфной ленты, около семи миллионов конвертов. Целлюлоза, в которой, как в хлебе, нуждаются другие бумажные предприятия страны, не вывезена 1.897 тонн. Количество невывезенной продукции угрожающе растет, ибо январский, так называемый ответственный, план перевозок не выполняется.

Такое же положение на других уральских бумажных комбинатах. Там подвезено к конечной погрузочным пунктам и ожидается миллионы целлюлозных вагонов около 800 вагонов бумаги и целлюлозы.

Наша бригада писателей и журналистов приехала на Камский комбинат, чтобы помочь увеличению производства бумаги, а оказалось, что производство бумаги приходится не увеличивать, а сокращать, ибо производственные площади завалены готовой продукцией, заводские корпуса переполнены, бумага и целлюлоза, столь необходимые стране, лежат огромными горами под снегом, в условиях переменной погоды, когда здесь, на Урале, мокрый снег часто переменяется с дождями. Если хотите, Иван Владимирович, мы продемонстрируем «монбланы» бумаги документальными снимками нашей бригады.

го фотокорреспондента тов. В. Темкина. Мне тоже приходится брать кирку и помогать скатывать лед на рулонах бумаги. Эти завалы продукции здесь носят название: «Во льдах Арктики».

Рабочие, инженеры и техники, выполняющие и перевозящие производственные задания, стремящиеся выполнить пятилетку в четыре года, неопытные и неуверенные смотрят на все увеличивающиеся горы продукции, вышедшей из-под их рук и лежащей без движения. И по вполне понятным причинам они спрашивают: в чем дело?

В чем же дело, товарищ Ковалев?

Надо сказать, что на Пермской железной дороге (начальник тов. Самохвалов), и даже среди некоторой части ответственных работников областных организаций, существует теория, якобы «объясняющая» безответственную работу транспорта.

Объяснение такое: «Пермская дорога вынуждена только вывозить и мало привозить. Поэтому сокращено число вагонов, обслуживающихся в порядке естественного грузопотока. Сюда надо тянуть порожняк. А как?»

По нашему мнению, подобная теория, бытующая на Молотовской области и на дороге, нетерпима в советской экономике, подчиненной строгому государственному плану. Эта теория демобилизует работников транспорта, заставляет их смотреть на свою работу, как на работу, подчиненную какому-то стихийному, случайному началу.

Ведь после обращения писателей к бумажникам личное Ваше вмешательство, товарищ министр, помогло доставить почти до плана перевозок бумаги. А вот в дальнейшем, при ослаблении внимания, особенно в январе, погрузка падает.

Мы были свидетелями того, как за неделю с небольшим было поделано на одного вагона. Мы видели, как на другие сутки пришел какой-то один «заблудившийся» вагон. Мы наблюдали, как на третьи сутки пригнали несколько угольных и хлебных вагонов для перевозки бумаги внутри области.

Пермская железная дорога, кажется, смирилась с подобным положением. Но мы смирились не можем, товарищ Ковалев!

Чем объяснить повеление железнодорожников, подающих под бумагу и целлюлозу некондиционные вагоны? Вместо обязательных крытых вагонов подают либо платформы, либо несправленные вагоны.

Камский комбинат волею судьбы превратился в реальный цех Пермской дороги. Вам известно, что и в 1947 году силами и средствами комбината было отремонтировано 1.894 крытых вагонов и 235 платформ. Министр путей сообщения, почувствовав безвыходное положение бумажников, превратил загляну в Красноярск вагонов с разбитыми кузовами, без крыш, без дверей в узаконенную практику.

На комбинате говорят с горькой улыбкой: «Министр путей сообщения наградил нашего директора за ремонт вагонов почетным знаком железнодорожника». Да, Иван Владимирович, директор комбината привнес к своему подкачку Ваш знак, но этот знак никак не заменяет вагонов. Подача вагонов резко снизилась, уже и ремонтировать-то нечего.

Если Вам интересно высказать оценку работникам комбината отношения к ним железнодорожного транспорта и годами издаться книги на многих, кавказских языках — лезгинском, татском, кабардинском, адыгейском, абхазском, курдском и др. на языках народов Дальнего Севера и Сибири — мансийском, пономском, саамском, чукотском, ненецком, кетском, корякском, эскимосском, эвенском, эвенкийском, хантыйском и др. Почти полумиллионный народ коми, носивший до революции кличку «зыряне», то-есть по-русски — «оттененные», впервые после Октябрьской революции смог издать своего выдающегося писателя и образованнейшего человека, безвестного в царской России, — Ивана Куратова.

В формировании молодых литераторов и языков многих советских народностей и племен огромную роль играют русский язык и великая русская литература, которая несет в себе огромное духовное богатство русского народа.

В Советском Союзе сформировались и живут полнокровной жизнью более сотни национальных литератур. Все они развиваются в тесном взаимодействии друг с другом, являя в целом необычайно богатую и красочную картину единого литературного развития множества разнообразных народов и племен. Это возможно только в стране социализма, и этого нет ни в какой другой стране на земном шаре. Для ученого, исследователя эти процессы перекрещивающихся влияний, формирования языков, литературы, идейного и морфологического воздействия русской литературы, русского языка не могут не представлять величайшего интереса.

Громадные области нашей страны в литературном отношении, в прошлом — во многом представляли собой белые пятна. «От молдавнина до финна на всех наречьях все молчало», — писал Шевченко в поэме «Кавказ». Горький, сразившая советскую литературу с дореволюционной, говорил, что и в познавательном отношении признание русская литература была, так сказать, литературой Центрально-Черноземной области. Эта мысль Горького часто цитируется, хотя автор этой статьи думает, что она содержит только часть истины. Нельзя забывать, что о многих народностях раньше, чем они сами заговорили в литературе на своих языках, заговорила русская литература: Пушкин,

связанные с этим положением на предприятии, могут процитировать выступление начальника отдела сбыта тов. Воронкова на совещании передовиков комбината, собранном по инициативе писательской бригады.

«Вы видели хаос, вызванный завалом продукции», — говорил Воронков, — все забыто: в бумажные залы, и паккеры, и склады. Мы часто обсуждаем вопрос — выдержит ли перекрытия, не будет ли несчастия? А сколько продукции портится под открытым небом, в снегу? Мы обили порты в обкоме, завлазили личную переписку с министром Иваном Владимировичем Ковалевым. Но распоряжения министра хронически и безразлично не выполняются Пермской железной дорогой... Портится результат работы многотысячного коллектива. Продукция разрушается, валяется по колеевым складам, на воздухе... У нас 600 вагонов невывезенной бумаги, целлюлозы — продукция, которую рассматривают обычно чуть ли не в микроскоп, выскакивая отдельные соринки. А эта продукция — целлюлоза — лежит под открытым небом, в снегу, лежит под густой копотью Закамской ТЭЦ, гниет и приходит в конце концов в негодность».

Вот что говорил товарищ Воронков, заставив во всеуслышанье на этом же совещании, что тов. Тулянов — директор комбината — был у Вас, заручился Вашим сочувствием, обещанием помочь, — обещанием, увы, невыполненным.

План перевозок называется во всех документах, которые были предоставлены нам, ответственными. Как квалифицировать ответственность плана, если он выполнен в 1947 году лишь на две трети? Пелару этому плану ходяче мнение присвоило название «безответственного». Ибо как иначе Вы, Иван Владимирович, называете недоучку в 1947 году не много, не мало, а 3.211 вагонов только одному Камскому комбинату?

Нужны ли еще большие доказательства правоты людей, называющих ответственными планы безответственными?

Перед нашей промышленностью поставлена благородная и трудная патристическая задача — выполнять пятилетку в четыре года. Эта задача поставлена самими рабочими и инженерами, и движение за выполнение пятилетки в четыре года охватывает все большие и большие круги. Бумажники — наиболее дорожная из них в дальневосточная часть рабочих и инженеров — высказывают сейчас материальные в творческие возможности выполнения пятилетки в четыре года. Передовики-производители повышают скорости бумажных машин, снижают сроки варки целлюлозы, подготовка древесной массы. Так неужели железнодорожный транспорт, слабые транспортники нашей державы, великомерно показавшие себя в период первых пятилеток и в годы войны, будут тормозить вдохновение и порыв творцов бумаги?

Бумага — могучее средство, помогающее воспитанию трудящихся, идущих победу к высотам коммунизма. И нужно помочь бумажникам добросовестно и аккуратно выполнять свои государственные плановые задания! Нужно сделать действительно ответственным план перевозок!

Советская общественность жлет Вашего ответа, товарищ министр!

Аркадий ПЕРВЕНЦЕВ

КРАСНОКАМСК, январь 1948 года.

Издания „Манифеста“ Коммунистической партии на русском языке

Сто лет назад, в середине февраля 1848 года, вышел в свет в первом издании «Манифест Коммунистической партии» — гениальное творение основоположников научного коммунизма — Маркса и Энгельса. С тех пор «Манифест» стал самым распространенным произведением марксизма. Еще при жизни авторов он появился в 83 изданиях на 14 языках мира.

Первое русское издание «Манифеста» вышло в Женеве в конце 1869 года. В России это издание широкого распространения не получило. Однако отдельные экземпляры его дошли до подпольных революционных кружков. Второй перевод «Манифеста Коммунистической партии» сделал Г. В. Плехановым в 1882 году и вышел в Женеве со специальным предисловием Маркса и Энгельса, которые придавали русскому переводу большое значение. В этом предисловии говорится, что «Россия представляет собою передовой отряд революционного движения в Европе». Вслед за Плехановым появились ряд новых переводов «Манифеста».

В 1891 году в Самаре молодой Ленин, изучавший марксистскую литературу в подпольных, перешел к изданию «Манифеста Коммунистической партии» на русский язык. Рукопись этого перевода читалась в самарских революционных кружках, но была уничтожена во время полицейских обысков.

За год до революции 1905 года в России появилось издание «Манифеста», выпущенное Центральным Комитетом РСДРП тиражом в 10 тысяч экземпляров. Это издание печаталось в Баку в нелегальной партийной типографии, которая была создана по указанию товарища Сталина в начале 1901 года и продолжала свою работу с перерывами до конца 1905 года.

В годы революционного подъема, 1905—1907 гг., «Манифест» вышел в России в 19 изданиях. И хотя царская полиция и цензура повсюду подвергали эту книгу строгому запрету, она печаталась в нелегальных подпольных типографиях.

Особенно широкое распространение «Манифест Коммунистической партии» получил после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Только за один 1917 год он издался 31 раз. Почти столько же изданий программного документа марксизма вышло на период с 1918 по 1923 год, причем отдельные тиражи его достигали 100—200 тысяч экземпляров.

С 1921 года вся работа по подготовке изданий классиков марксизма была сосредоточена в Институте Маркса — Энгельса. За период с 1923 по 1948 год выпущено 51 издание «Манифеста». Одновременно эта книга была переведена почти на все языки народов Советского Союза и к началу 1941 года вышла в 35 национальных изданиях.

К столетию со дня выхода «Манифеста» ИМЭЛ и Госполитиздат выпускают новые издания: массовое (тираж 200 тысяч экземпляров) и одновременно издание на двух языках — русском и немецком (тиражом в 15 тысяч экземпляров).

В Москве начинают создаваться участии заключительных концертов Всероссийского съезда сельской художественной самодеятельности. В сельских, районных, областных, краевых смотрых и в смотры автономных республик, проходивших в течение всего 1947 года, приняли участие до 100.000 кружков самодеятельности. В столицу приглашены участники лучших коллективов — три тысячи человек.

Черезвычайно широко будет представлено на заключительных концертах русское народное искусство во всем его многообразии: хоры — северные, волжские, языские, уральские; русские национальные инструменты — рожок балалайка, волынка, гармонь, гусли. Кроме народных песен, большое место в репертуаре самодеятельности занимают песни советских композиторов.

Выступят ансамбли песни и пляски донских, кубанских, терских казаков, хоры и танцевальные коллективы автономных республик Российской Федерации.

В Москву приезжают со всех концов страны сельские чтецы и декламаторы. В их репертуаре — произведения Пушкина, Лермонтова, Горького, Маяковского, современных советских писателей и поэтов.

Заключительные концерты Всероссийского съезда состоятся в первой половине февраля в больших залах столицы.

Праздник народного творчества

ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Информационное сообщение

о заседании Совета Союза

30 января 1948 года

30 января, в 2 часа дня, в зале заседаний Верховного Совета СССР, в Кремле, состоялось открытие четвертой сессии Совета Союза.

Председательствующий — Председатель Совета Союза депутат Парфенов И. А. предоставляет слово Председателю Мандатной комиссии депутату Патоличеву Н. С. для доклада о результатах проверки полномочий явившихся депутатов Совета Союза по шести избирательным округам, явившихся.

По предложению депутата Доронина П. И. Совет Союза принимает следующее постановление:

«Заслушав доклад Мандатной комиссии, Совет Союза постановляет: Утвердить доклад Мандатной комиссии о признании правильными полномочий депутатов Совета Союза, избранных 6 июля 1947 года по избирательным округам — Ленинскому № 201, Сталинскому второму № 466, Калининскому № 535; 21 декабря 1947 года по избирательным округам — Ставропольскому № 81, Сталинскому второму № 465 и 18 января 1948 года по Елагинскому избирательному округу № 649».

Председатель Совета Союза депутат Парфенов И. А. сообщает, что на рассмотрении сессии вносятся следующие вопросы:

1. Утверждение Государственного бюджета СССР на 1948 год и отчета об исполнении Государственного бюджета СССР за 1946 год.

Вопрос вносится Советом Министров СССР.

2. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета СССР.

Вопрос вносится Президиумом Верховного Совета СССР.

Совет Союза по предложению депутата Нозова В. И. единогласно включает эти вопросы в порядок дня сессии.

Совет Союза по предложению депутата Фирюбина И. П. принимает следующий порядок рассмотрения вопросов: доклад о Государственном бюджете СССР на 1948 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1946 год заслушать на совместном заседании Совета Национальностей и Совета Союза, а содоклады бюджетных комиссий, обсуждение бюджета и его утверждение провести раздельно по палатам; утверждение Указов Президиума Верховного Совета СССР провести раздельно по палатам.

На этом первое заседание Совета Союза закрывается.

Информационное сообщение

о заседании Совета Национальностей

30 января 1948 года

30 января, в 4 часа дня, в зале заседаний Верховного Совета СССР, в Кремле, состоялось открытие четвертой сессии Совета Национальностей.

Председательствующий — Председатель Совета Национальностей депутат Кузнецов В. В. сообщает, что на рассмотрении сессии вносятся следующие вопросы:

1. Утверждение Государственного бюджета СССР на 1948 год и отчета об исполнении Государственного бюджета СССР за 1946 год.

Вопрос вносится Советом Министров СССР.

2. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета СССР.

Вопрос вносится Президиумом Верховного Совета СССР.

Совет Национальностей по предложению депутата Шамхметова Ж. единогласно включает эти вопросы в порядок дня сессии.

Совет Национальностей по предложению депутата Лазутина П. Г. принимает следующий порядок рассмотрения вопросов: доклад о Государственном бюджете СССР на 1948 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1946 год заслушать на совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей, а содоклады бюджетных комиссий, обсуждение бюджета и его утверждение провести раздельно по палатам; утверждение Указов Президиума Верховного Совета СССР провести раздельно по палатам.

На этом первое заседание Совета Национальностей закрывается.

Богатство литературы народов СССР

Одним из наиболее убедительных и ярких показателей замечательного, не имеющего примера в мировой истории расцвета национальных культур в СССР является рождение и небывалый рост литературы и печати на национальных языках. Об этом убедительно говорят цифры, опубликованные в советской печати к 30-летней годовщине Октябрьской революции.

В самом деле, как были изданы книги на 119 языках, их общий тираж достигал астрономической цифры в 11 миллиардов. За один только прошлый год на Украине было выпущено свыше 43,2 миллиона книг, в Эстонии — 6 с половиной миллионов, а в Узбекистане свыше 5 с половиной миллионов. Каждая вторая или третья узбекская семья имеет книгу своего любимого советского поэта Габдулы Гюляча, его стихи вышли в количестве больше четверти миллиона экземпляров.

Произведения народного белорусского поэта Янки Купалы читают почти весь белорусский народ. В какую же небывалую общественную силу вырастает при таких условиях литература?

Мы даже не совсем ясно представляем себе те гигантские масштабы, которые приняла революция, произошедшая в культурном развитии народов, населяющих Россию. Так, например, по данным «Грузинской книги», изданной Книжной палатой переработки в Тбилиси и содержащей библиографию всех произведений, вышедших на грузинском языке за триста лет до 1920 года, насчитывалось 5.833 издания. Тиражи книг редко превышали 500 экземпляров. А за последние 20 лет вышло свыше 40 тысяч грузинских книг тиражом во много десятков миллионов. Шота Руставели за советские годы издался 44 раза тиражом свыше миллиона. Стихи Руставели и прежде всего «Витязя в тигровой шкуре» печатались на 15 языках СССР. Прекрасный грузинский поэт Важа Пшавела, которого до революции едва ли знало несколько сот грузинских читателей, издался 40 раз тиражом свыше четверти миллиона.

Подобные удивительные цифры можно было бы привести в отношении всех народностей, населяющих Советский Союз.

И. В. Сталин говорил в 1925 году: «...Октябрьская революция, порвав старые цепи и выдвинув на сцену целый ряд забытых народов и народностей, дала им новую жизнь и новое развитие... И если дело идет о приобщении различных национальностей к пролетарской культуре, то едва ли можно сомневаться в том, что приобщение это будет протекать в формах, соответствующих языку и быту этих национальностей».

Эти слова товарища Сталина получили полное историческое подтверждение — во всем ходе дальнейшего развития советских народностей.

В развитии культуры и литературы народов СССР мы наблюдаем очень интересные процессы. В социалистическое строительство включились народности, стоявшие на различных ступенях социально-экономического и культурного развития, еще сохранявшие перед Октябрьем не только феодальный, но даже и охотничий и кочевой уклады, как некоторые народности Сибири. Дальнего Севера. Поэтому наша советская литература — не только национальная, но и в известной мере разнонациональная. Это значит, что отнюдь не всюду господствуют те формы, какие сложились, например, в наиболее развитых литературах, имеющих свои глубокие традиции — русской, украинской, грузинской, армянской, азербайджанской, белорусской, литературных прибалтийских республик.

Так, в целом ряде литератур процищались произведения начали создаваться только в советские годы. Недаром бурят-монголы в письме к товарищу Сталину отмечали, как особое достижение своей литературы рождение в ней именно художественной прозы.

В Абхазии проза появилась только в тридцатых годах. Более 40 народов СССР вообще получили свою письменность только после Октябрьской революции. В советские

годы начали издаваться книги на многих, кавказских языках — лезгинском, татском, кабардинском, адыгейском, абхазском, курдском и др. на языках народов Дальнего Севера и Сибири — мансийском, пономском, саамском, чукотском, ненецком, кетском, корякском, эскимосском, эвенском, эвенкийском, хантыйском и др. Почти полумиллионный народ коми, носивший до революции кличку «зыряне», то-есть по-русски — «оттененные», впервые после Октябрьской революции смог издать своего выдающегося писателя и образованнейшего человека, безвестного в царской России, — Ивана Куратова.

В формировании молодых литераторов и языков многих советских народностей и племен огромную роль играют русский язык и великая русская литература, которая несет в себе огромное духовное богатство русского народа.

В Советском Союзе сформировались и живут полнокровной жизнью более сотни национальных литератур. Все они развиваются в тесном взаимодействии друг с другом, являя в целом необычайно богатую и красочную картину единого литературного развития множества разнообразных народов и племен. Это возможно только в стране социализма, и этого нет ни в какой другой стране на земном шаре. Для ученого, исследователя эти процессы перекрещивающихся влияний, формирования языков, литературы, идейного и морфологического воздействия русской литературы, русского языка не могут не представлять величайшего интереса.

Громадные области нашей страны в литературном отношении, в прошлом — во многом представляли собой белые пятна. «От молдавнина до финна на всех наречьях все молчало», — писал Шевченко в поэме «Кавказ». Горький, сразившая советскую литературу с дореволюционной, говорил, что и в познавательном отношении признание русская литература была, так сказать, литературой Центрально-Черноземной области. Эта мысль Горького часто цитируется, хотя автор этой статьи думает, что она содержит только часть истины. Нельзя забывать, что о многих народностях раньше, чем они сами заговорили в литературе на своих языках, заговорила русская литература: Пушкин,

Горький, Короленко, Чехов. Эту сторону русской литературы, всегда живущую глубоким сочувствием к угнетенным народам, мы должны помнить, потому что в ней видны зачатки той дружбы народов, которая сегодня составляет самое существо советской многонациональной литературы.

Советская власть опровергла высочайшие слова Фета: «К зырянам Тютчев не придет». Он пришел. Зыряне — «оттененные» — перевели на свой язык Пушкина и Тютчева и даже «Жизнь Пушкина» Вересаева. Что бы сегодня сказал Фет, если бы узнал, что эскимосы издали на своем языке произведения Пушкина, что зучки перевели и издали книжку Липидевского о спасении елсинокских (кстати, ее перевели на свои языки многие северные народности), что в Сыктывкаре вышли на коми-языке «Русские люди» Симонова, и молодые в школах читают произведения Гайдара, Коженикова, Корнейчука, Панферова, Шолохова.

Перевод на русский язык, как известно, является всекое национальное литературное признание достоянием всеобщего читателя, дает ему позитивную новую жизнь. Только после Октябрьской у нас выросла огромная по своему познавательному, идейному, воспитательному значению переводная литература с языков братских народов, выросли замечательные мастера художественного перевода.

Мы думаем, что все эти важнейшие по своему идейно-политическому значению процессы в СССР можно было бы наглядно представить в виде литературной карты или атласа народов СССР.

На такую карту можно было бы нанести цифровые и, частично, именны данные о крупнейших произведениях русской литературы, переведенных на данный язык, о книгах, переведенных на русский язык.

Хорошо бы эту карту или атлас снабдить объяснительной брошюрой. Мы думаем, что инициативу создания литературной карты народов СССР должно взять на себя Министерство просвещения и его издательство Училищного Потребности в ней давно назрела не

МОСЛИ—БЕВИН

Е. ГАБРИЛОВИЧ

Среди друзей и соратников Освальда Мосли имеется некий Дж. Хэм, который выступает на митингах не иначе, как закутанный в британский национальный флаг, — он полагает, очевидно, что столь изысканный туалет является наиболее подходящим для английского фашиста. Сей Хэм недавно сказал о Мосли:

— Человек из народа, скромный труженик, он, как никто, понимает исторические цели английского народа, которых и сам народ совершенно не понимает.

Кто же он, этот труженик? Где родился, как жил, как сошло на него столь вдохновенное озарение?

«Человек из народа» родился в семье крупнейших землевладельцев. Воспитан в аристократическом закрытом колледже и в Сендхэрстском военном училище.

Начало его «трудовой жизни» относится к тому знаменательному моменту, когда отдал богу душу его титулованный дед, оставив в наследство триста тысяч фунтов стерлингов, а также земельные владения стоимостью в миллион двести пятьдесят тысяч фунтов.

Скромный труженик Мосли в короткий срок умножил эти богатства. Он не брезговал ничем — ни ростовщичеством, ни чудовищной эксплуатацией фермеров-арендаторов, ни продажей и скукой земель.

Параллельно коммерческой деятельности протекала политическая деятельность Мосли. Даже самые ярые из его вышних сторонников не в состоянии приписать ему одного качества: твердости политических убеждений, верности своим политическим идеям.

Мосли сначала был консерватором. Потом был лейбористом. Потом стал «независимым членом». Потом «самостоятельным членом». И, наконец, фашистом...

Другими словами, он побывал последовательно на всех кухнях и напирательных в изготовлении самых разнообразных политических блюд. Этот политический флюгер досконально, со всех сторон изучил машину, несущую бряцание парламентской демократии, изучил не на торжественных церемониях в воскресных проповедей, а в темных, грязных и тайных закутках, где царствуют подкуп, лаваш, политическое шутство и где работают вдали от света главные машины.

Его политическая ловкость, та невозможность, которая позволяет превращать в самым благоприятным явлением самые неблагоприятные дела, обратила на себя внимание. В бытность свою лейбористом он сделался министром по делам герцогства Ланкастерского. По причинам, покрытым туманом, он был, однако, вынужден впоследствии вернуть министерский портфель, а также уйти из лейбористской партии.

Тогда-то и началось его хождение в «независимых» слева направо. Грустные дни, без всякой перспективы, без надежды даже на сколько-нибудь заметное улучшение хотя бы в вечерней газете.

Но вот этот экс-лейборист с сотней тысяч фунтов годового дохода заметил по ту сторону пролива нечто, сразу привлекающее его внимание. Карьера Гитлера поразила его. Он увидел в ней перст указующий, путь к возобновлению политической деятельности, дорогу для еще одной политической перемены.

Он понимал, что дорога эта, пожалуй, несколько скандальна, но знал, что все протесты ему подчинены. Капитаны британского государственного корабля, если — при всей внешней асимметрии — главная цель его будет совпадать с их главной целью: борьбой против действительной демократии, против действительных социальных преобразований и против коммунизма.

И вот в 1932 году Мосли основывает «Союз британских фашистов». В этом же году, проживающий в канцелярии, радиодикторами и петиционерами, он отбывает в Рим к Муссолини.

Здесь ждет его весьма теплая встреча. Муссолини поразил английского пилот-блеса своего величия. Вместе с «лучом», пожимом в своем мудре о галунных и позументах на опереточно-жандармском Мосли взывает на парадные шествия «костюмов» и на спортивные празднества палачей.

В дальнейшем Мосли побывал в Берлине. Неизвестно точно, что особенно предвлекло его — штурмовики ли, громадные неарийские магазины, застенки гестапо или костры из книг... Известно лишь, что сей «сын Альбиона» возвращается на родину самым пылким приверженцем Гитлера. Он перестраивает свою «партию» по немецкому образцу. Британский союз фашистов он переименовывает в «Союз фашистов и национал-социалистов».

Мосли начинает широкую деятельность в качестве ярого противника всего, на чем лежит лютый отблеск демократизма, в качестве непримиримого врага организованного рабочего класса. В его кассу рекой текут деньги, выносимые крупнейшими промышленниками, финансистами, представителями аристократии. Муссолини и Гитлер щедро финансируют его. Деятельность фашиста оказывается в Англии куда более выгодной, чем даже деятельность ростовщика и земельного спекулянта. Мосли пропагандирует с коммерческими операциями по пустошным землям и целиком отдается политике.

Вспомогательная в Мюнхене он женится на Ляне Гивесс — сестре личного друга Гитлера. Сам «фюрер» является одним из свидетелей на свадебной церемонии.

В это время Мосли находится в zenithе своей военной славы. Газетная группа Роттердама оказывает ему могущественную поддержку. Фашистские брошюры, отвечающие в Германии на английский язык, распространяются в Англии молодчиками Мосли. Сам Мосли выступает на митингах и собраниях, одаривая в военную хват Гитлером государства Восточной Европы. Он заявляет, что английские фашисты откажутся принять участие в войне против Гитлера, если такая война возникнет.

Начинается война. Казалось бы, Мосли, этот явный фашист, платный агент Гитлера и Муссолини, потенциальный клясник в случае выселки немцев в Англию, должен быть немедленно арестован, подвергнут строжайшему заключению. Именно этого требуют народные массы Англии. Но правительство арестовывает Мосли и его главных сподвижников лишь через девять месяцев после начала войны. Вернее, не арестовывает — интернирует. Он пребывает в заключении сапаторного типа: изысканный стол, вина, заботливый уход. Только-только выскочат официальные бюллетени о его здоровье. Во всяком случае скорбные сообщения о его недугах регулярно появляются в газетах.

Это то, что американский журнал «Харпер мэгэзин» назвал «странной историей Мосли». Журнал говорит, что эта история объясняется, во-первых, наличием у Мосли многих тайных могущественных покровителей; и, во-вторых, тем, что английские государственные деятели бережно сохраняли его до лучших времен, дабы пустить в ход в качестве одного из орудий расправы с последователями революционным движением, которое неизбежно возникнет.

По даже и такой сапаторно-пенитенциарный режим представлялся коалиционному военному кабинету Англии и, в частности, его министру внутренних дел лейбористу Моррисону небезопасным для здоровья Мосли. При первой возможности, задолго до окончания войны, Мосли был выпущен на свободу.

Он оказался достаточно понятливым, чтобы отблагодарить своих избавителей должным образом: он пишет книгу, где проповедует крестовый поход против большевизма и «священную войну» против советской страны.

После поражения гитлеровской Германии Мосли некоторое время пребывает в тени. Он посещает политические собрания, дипломатические завтраки, аристократические чаепития, выходящая в политическую атмосферу. Он выбирает: следует ли совершить еще одну политическую перемену или же вновь возвратиться в лоно открытой фашистской веры. Он останавливается на последнем и, как мы увидим, имеет на то все основания.

Свою последнюю деятельность фашиста, возмущенного поклонника повернутой «фюрера» и «луча», потрошителя антикоммунизма Мосли начинает не сразу. 15 декабря 1945 года он устраивает в одном из центральных отелей Лондона «семейный» танцевальный вечер. На вечер собираются всемогущие «танцоры» — тех, что составляли «гвардию Мосли» до войны. В промежутках между танго и фокстротами поклонники Терпсихоры кланятся в верности Мосли и в готовности идти за ним на любой дебри, разню, пиром, «неопределимость» и убийство. Эти семейные хореографические упражнения можно считать началом последующего формирования фашистской партии в Англии.

Широкие народные массы Англии возмущены. Бесчисленные резолюции, рабочие, демократические, профсоюзные организации требуют, чтобы правительство раздало фашистскую гадину. Резолюции напоминают правительству о Ялте и Потсдаме, где Великобритания дала торжественное обещание, что нацизм и фашизм будут полностью уничтожены.

Не тут-то было! Правительство лейбористов не только не пресекает деятельность английских фашистов, но самым решительным образом охраняет ее. Констатация министра внутренних дел Чатер Ида незначительно арестовывает каждого, кто пытается протестовать против фашистских митингов и организованных дебошей и пометать произнесению речей о том, что Гитлер был «генералом нашей планеты», а война против нацистской Германии была «попозорной ошибкой британской политики».

Тогда трудящиеся Англии сами берутся за дело. В печати все чаще и чаще начинают появляться сообщения о разном сборище сторонников Мосли возмущенными слушателями. Вот одно из таких сообщений: «Полнейшее подкрепление были вызваны в Гай-парк, где толпа, слушавшая выступления сторонников Мосли, сломала трибуны и напала на оратора». В сообщении указывается, что полицейские подкрепления обрушились на толпу, а на тех, кто сорвал их митинг.

Убедившись в безнаказанности действий своих сторонников, Мосли решает выступить самостоятельно. Первое выступление его состоялось весьма таинственно: приглашенные получают сначала один адрес, затем, прибыв на место, — второй и, наконец, в последний момент — третий. Все это путешествие они преодолевают лишь для того, чтобы услышать от самого Мосли, что он враг демократии и что его «политические взгляды не изменились за время войны».

Впоследствии Мосли много раз повторяет все это уже без всякой таинственности, открыто. Деятельность его ширится, число выступлений растет. Политика лейбористского правительства бережно охраняет не только его самого, но и его сторонников.

Почему? — спрашивают простые люди Англии, потерявшие своих близких в борьбе с фашизмом. Почему безнаказанно действуют Мосли и его молодчики? Почему секретарь английской лейбористской партии Морган Филлипс, приказавший начать гонения на коммунистов, как бы не видит, что под его носом растут заводы, роты, полки гитлеровских штурмовиков? Почему?

Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно просмотреть брошюры, статьи и программы речей Мосли.

Его выступления всегда распадаются на два раздела. В первом разделе он весьма точно имитирует вопли и визги доводной робельсовской пропаганды. Но вот вопли отходят на задний план: начинается новый раздел. Невенно, как из мгли, вырисовываются знакомые контуры. Мосли призывает к созданию антисоветского западного блока и к использованию атомной бомбы для «предотвращения успехов коммунизма». Далее — больше, яснее. Он говорит, что Америка призвана спасти Европу от коммунизма, что Союзные Штаты противопоставят Советскому Союзу, охраняя остатки цивилизации, что Западной Европе следует вместе с Америкой спасти континент от славяно-монголов, что все силы должны быть устремлены на то, чтобы заставить страны Восточной Европы идти в фарватере англо-американской экономики и политики, что Америка — это мессия, американская атомная бомба — друг и спаситель, американская военная мощь — единственная конструктивная сила на земле.

Да ведь это все то, о чем шумят в сенатских комиссиях, пишут и говорят сторонники «плана Маршалла». Мосли начинает свои выступления, как Гитлер, а кончает их, как Даллес, как Валленберг, как Бевин.

Анализируя выступления Мосли, видишь, что этот «фюрер» английских фашистов предельный и верный агент американских империалистов, тщательный выполняющий все их указания и распоряжения. Черчилль, Эттинг, Бевин и Мосли — слуги одной фирмы, одного хозяина, но разного назначения.

Вот почему констатация Чатер Ида охраняет Освальда Мосли. Да, Мосли не прочтается, когда полагал, что при лейбористах в Англии можно безнаказанно объявить себя не только приверженцем Гитлера, но даже самим Гитлером, лишь бы следовать заатлантическим директивам!

Вест о возрождении открытой гитлеровской партии в Англии вызвала новую бурю общественного возмущения. Но лейбористское правительство верно служит американским хозяевам. Мосли попрежнему безнаказанно действует. Уже как возжигатель официально объявленной о своем существовании фашистской партии, он заявляет, что его партия продолжает «миссию Гитлера». Попрежнему текут в кассу Мосли немалые средства. Однако, главный источник материальной поддержки переместился. Ганьме он находит за морем, у Гитлера. Теперь он находится за океаном, у Трумэна; это та же касса, которая финансирует Бевина. Между ними — Мосли и Бевин, — уже нет различия. Приверженцы Мосли выступают с речами, драпируясь в британский флаг. Но по сути дела они имеют полное право драпироваться, так же, как и Бевин, в звездный флаг трумэновской Америки.

Поджигательная речь

АМЕРИКАНСКИЕ ГАУЛЕЙТЕРЫ И ИХ ШВЕДСКИЕ ЛАКЕИ

С. МАКСИМОВ

В последние десятилетия шведская реакция неоднократно проявляла откровенную склопотность к участию в любой авантюре, направленной против великого восточного соседа Швеции, не смущалась тем, что все ее расчеты, как правило, заканчивались провалом.

Политическая слепота шведской реакции унаследована ею еще со времен соловой монархии, когда ненависть к русским считалась проявлением «высшей государственной мудрости». Август Стриндберг любил похваляться над самопадением шведскими милитаристами, которые, опасаясь мечом Карла XII, отравляли сознание народа ядом злобы и «мексалия».

В наши дни духовными наследниками отживших аристократических классов являются промышленники и финансовые магнаты Валленберги, Крейеры и Веннер-Греы. Они встречают аллопатриями излияния нового посланника США в Швецию Маттьюса, который для начала своей деятельности в Стокгольме в публичном выступлении 14 января на собрании «Шведской торговой палаты для Америки» рекомендовал шведам помнить об атомной бомбе и быть готовыми «к защите тех принципов, которые священы для американцев».

В истории советско-шведских отношений, пожалуй, никогда еще не велась столь разнузданная кампания против СССР, как в наши дни безраздельного господства американских концернов над шведскими печатным словом.

Каждый шведский концерн и банк имеет свою прессу и оказывает зачастую решающее влияние на официальную политику правительства. Голос одного из авторов плана «ауэршанца» Германии и компании Морганов — Валленберга, раздувавшего на каком-нибудь семейном обеде, часто привлекает больше внимания соответствующих кругов, чем правительственные декларации.

Контролируемая династией Валленбергов «Делена ноктер» по команде из США погнала зловещую кампанию за саботаж советско-шведского торгового и кредитного соглашения, хотя оно и было единогласно одобрено риксдагом. Эта газета во всеуслышание предлагает, чтобы Швеция для предстоящих военных операций против СССР держала двери открытыми настежь на случай выселки американских войск.

Другой финансовой династией — Крейерам принадлежит газета «Стокгольмский тинднинг» и «Афтобладет», еще недавно рьяно защищавшие Гитлера. Эти листки подражают сейчас разнузданным клеветническим извержениям газет с таким же усердием, с каким они не так давно играли роль геббельсовского рупора в Стокгольме.

Узлы, связывающие французский и советский народы. Дело прежде всего касалось укрепления личных позиций генерала де Голля как во Франции, так и за границей. Пакт позволил бы ему говорить, как равному с равным, с главами англо-саксонских государств.

Дело шло также о том, чтобы, согласно политике, настоячиво проповедной г-м Гидо, добиться девого бенефита Рейна и расчленения Германии. «Мы приехали из-за Рейнской области», — сказала генерал одному из своих приближенных, давая понять, что без этого — договора «не будет». Однако все знали, что СССР занял твердую позицию против расчленения Германии.

В глубине души де Голль видел в пакте также средство «затянуть» фронт французским коммунистам и другим демократическим элементам, недолговечным его диктаторским замыслами и многими его явными и тайными намерениями. Генерал полагал, что, подписывая пакт, он тем самым становился «творцом» неопровержимого демократического документа, дающего ему право метать громы и молнии против своих противников, которых он считал уже исключенными из французской нации. Таким образом, де Голль старался превратить этот пакт еще до его заключения в антидемократическое оружие.

Мы попытались восстановить некоторые обстоятельства, при которых происходили переговоры и заключение франко-советского пакта. Это помогает нам установить пагубную последовательность реакционной политики во Франции, символом и вдохновителем которой ныне открыто стал генерал де Голль.

Путь, по которому следует де Голль, привел его к позициям Лавала. Оба они считали франко-советский пакт «грубой хитростью». Но в 1947—1948 годах де Голль скомпрометировал себя больше, чем когда-то Лаваль, и пошел дальше, чем тот после Мюнхена...

Де Голль уже предложил свою шпату Гидо Маршаллю через посредство г-на Даллеса. Он хочет сделать «боржом» плана Маршалла, добиться, так сказать, пронахождения в чин генералиссимуса «западных сил» в войне между Западом и Востоком, которую он предвидит и которой жаждет. Позиционно, он считает, что 40 французских пивных, сформированных по американскому образцу и экипированных американцами, составят ядро новой «свадьбы армий», предназначенной для того, чтобы идти по следам наполеоновских легионов и гитлеровских ор... и с еще меньшим успехом...

Обычно те, кто платит, не имеют привычки выходить на переднюю линию, где можно получить улов. Более вероятно, что 40 французских дивизий, которых требует генерал де Голль, сыграют роль американского иностранного легиона и будут выставлены вперед в один ряд с другими иностранными легионами, состоящими из немелких фашистов. Если их не решается использовать против СССР, то они будут служить для поддержания «западного порядка» во Франции и Западной Германии.

Никто не решится показывать, что де Голль беспомощно блуждает в своих мыслях. Он давно проповедовал, что в случае конфликта между Западом и Востоком, то есть между англо-саксонскими державами и СССР, Франция должна присоединиться

Факты без комментариев

«РАЗВЕНЧАННЫЙ»

БАЙРОН

Английская газета «Дейли уоркер» сообщает о выходе на экран фильма под оскорбительно-культуриным названием: «Гладиус Байрон». Как подчеркивает газета, фильм предназначен для экспорта в Америку и полон выпадов против великого английского поэта, принимавшего, как известно, в свое время участие в освободительной борьбе греческого народа.

ВЛАСТЬ ТЬМЫ

Среди вышедших за последние время во Франции книг легко обнаружить книги с «ночными» названиями: «Признания девушки ночи», «Бог является ночью», «Творение ночи», «Ночная поэма», «Полноночная молитва», «Нечные ночи» и, наконец, «Ночные леса». Французская литература сделала жертвой мрака. Наша последняя действительность — темная, как ночь, — сокрушенно подчеркивает французский еженедельник «Юн семан дан ле монд».

Неудивительно, что Французская академия изящных искусств сочла необходимым в срочном порядке организовать конкурс на лучшее поэтическое произведение, обязательной темой которого является «Свет».

СПЕКУЛЯНТЫ

ИЗ ВАТИКАНА

Американские военные власти после эвакуации войск из Италии оставили представителям Ватикана немалое количество продовольствия. Получив его, согласно приказу из Вашингтона, по очень низким ценам, спекулянты в сутанах занялись перепродажей продуктов населению и, как сообщает «Аксон», заработали на этом 3 миллиарда лир.

Широкие круги шведской общественности неплохо разбираются в том, какие кружки двигают в Швеции марксистскими Уолд-стрит. Популярная писательница Хельга Мартинсон (Моа) называет подделками и клеветническими адопторами американских монополий. «Тот, кто не осмелен невинностью, должен преклониться перед мужеством русских и их культуру», — подчеркивает она в одном из своих выступлений в печати.

Известный писатель Фридегорд в ответ на злобную кампанию «Делена ноктер» против 34 шведских литераторов, отпавших в связи с 30-летним Октябрем приверженцев Советскому Союзу, высказывает апаологичную мысль: «Шведская комиссия по расследованию антиамериканской деятельности в нашем собственном доме не может запретить мне сотрудничать с благому Советскому Союзу, спасшего мир от фашистского варварства. Мне никто никогда не запретит восторгаться русской литературой, которая была в ешь одна из величайших радостей в моей жизни»; «Неужели вам, называющим себя социалистами, не стыдно поносить величайшую революцию в истории человечества?» — возмущенно спрашивает известная общественная деятельница Эльза Лилдген руководители газеты «Морган тинднинг».

Группа известных шведских артистов, режиссеров и других представителей интеллигенции решила непосредственно обратиться к вдохновителю всей этой разнузданной кампании в Швеции. В письме, адресованном американскому посольству в Стокгольме, они протестуют против «нового образа мышления в Америке, который напоминает тот туман, каким Гитлер в свое время окутал Германию». Рабочие клубы в Гора, Гетеборге и других промышленных центрах Швеции призывают трудящихся бойкотировать газеты и бульварные журналы, отравляющие сознание народных масс страны этим гитлеровским туманом па-за океана. Критика и обозреватели массовой газеты «Афтон тинднинг» Дамес Ресель призывают к борьбе с разгулом шведской реакции: «Противодействовать ей можно, — пишет он, — путем установления взаимного контакта, особенно в области литературы».

Таков трезвый голос прогрессивной шведской общественности.

Если собрать всею те статьи, письма, книги, фильмы, с помощью которых шведская реакция старается извратить правду о СССР, то окажется, что Уолд-стрит усердно старается превратить Швецию не только в одного из основных покупателей американских тулук из нейлонов и каллифорнийских фруктов, но и в одного из главных потребителей «американской адопции».

Образование западного блока должно было быть очень устроено политический войны. Бевин и Шуман предлагали заключить политический, экономический и военный пакт между Великобританией, Францией, Бельгией, Голландией и Люксембургом. В дальнейшем пакт должен, по замыслу его сторонников, распространиться на Италию, Западную Германию, Испанию.

После данной международной обстановки, после недавнего выступления г-на Бевина, полного палачов и неприкрытых угроз по адресу СССР, значение этого последнего демарша английской и французской дипломатии совершенно ясно. В политическом и военном отношении он направлен в первую очередь против СССР.

С точки зрения франко-советских отношений, этот проект Бевина указывает на стремление французского правительства вложить свою страну во враждебную СССР комбинацию, являющуюся частью франко-советского договора. Согласно этому проекту, должно начаться формирование «европейской» армии, которой генерал де Голль весьма непереносит командовать в предстоящей войне против СССР.

По теперь народы уже не так легко обмануть. К счастью, мы, французы, не столь легковесны, мы еще поборолись за нашу свободу и нашу жизнь.

Жак де ЖАК

ПАРИЖ.

Де Голль—это война!

Письмо из Франции

Только на-днях (с большим опозданием) мы прочитали в Париже статью о генерале де Голле, напечатанную в «Литературной газете». К точной и убедительной характеристике, которая была дана де Голлю автором статьи, мне хотелось бы кое-что добавить.

Я вспоминаю первое, когда де Голль приехал в Москву для того, чтобы заключить договор между Францией и Советским Союзом.

Генерал де Голль прибыл в Москву 2 декабря 1944 года. Он остановился во французском посольстве, где ему было приготовлено помещение. На следующий день, который пришелся на воскресенье, он в сопровождении всей своей свиты отправился в церковь св. Людовика. Здесь американский священник Браун, обслуживающий этот французский приход, отслужил торжественную мессу, во время которой воздал де Голлю почести, обычно воздаваемые католической церковью «главам христианских государств». Отен Браун преподнес генералу ванилие для облобозания и воскурия перед ним фильям. Это было сделано на глазах у всего дипломатического корпуса.

Такое начало, отдающее средневековьем, неспроста. Вообще же известно, что генерал является ревностным католиком. В том, что он холпа почти жалованно в церковь и молится там, никто не видел, разумеется, ничего особенного. Но полагали все же, что четвертая республика должна быть светским государством и генерал де Голль покажет себя в первую очередь как светский глава светского государства. И не одна французская думала таким образом.

Странная атмосфера, которую принесла с собой де Голль и его окружение, не замедлила дать себе почувствовать. Генерал де Голль не проявлял ни дружбы, ни уважения, ни даже любви к стране и народу, с которыми он намеревался заключить договор. Пакт для де Голля был лишь ходом на шахматной доске его личной политики.

Было бы не более любознательнее, чем де Голль. Другие яппа, разные Боронны, Розы, Фалезы, Сейху, Ги де Шарбонны, — все это свора типичных для довоенного Кэ х'Орес * ветрового, не стеснялись, подчеркивала свое враждебное отношение к советской стране. Единственным исключением в этой среде был Роже Гарро, представитель временного французского правительства в СССР, горячий сторонник франко-советского союза и дружбы. Его имя уже давно внесли в разряд «стасисников» и объявляли его в том, что он «интригует с русскими».

В окружении генерала де Голля не скрывали того, чего, напротив, в сам он почти не скрывал, а именно, что заключение договора не имеет целью укрепить * Улица в Париже, на которой находится министерство иностранных дел.

Корни консерватизма

На заседании коллегии Министерства промышленности строительных материалов СССР

14 января «Литературная газета» выступила со статьей «Новаторы и консерваторы», в которой обличались консерватизм и рутинизм в работе зам. министра промышленности строительных материалов и начальника Главстройстекла тов. Потанина и главного инженера завода тов. Литваковского.

24 января в нашей газете были помещены письма главного инженера рижского стекольного завода «Красная Даугава» тов. Черединого и начальника цеха Мисера, подтверждавших неблагоприятное положение в заводе с внедрением новой техники.

28 января выступления «Литературной газеты» подверглись тщательному и всестороннему обсуждению на расширенном заседании коллегии Министерства промышленности строительных материалов под председательством министра тов. С. З. Гинзбурга.

Члены коллегии, за исключением разве тов. Потанина, были единодушны в оценке статьи. Они признали, что «Литературная газета» правильно поставила вопрос о борьбе за скоростные методы производства и разоблачила консерватизм руководителей Главстройстекла. В ходе обсуждения дискуссия о скоростях перешла в широкую дискуссию о технической политике завода в целом. Больше того: в процессе обсуждения статья «Литературной газеты» на заседании коллегии со всей остротой был поставлен один из важнейших вопросов руководства промышленностью на данном этапе, вопрос о месте и роли руководителя в деле внедрения новой техники.

Ясно была задача руководителя завода? Да, она была ясна. В распоряжении тт. Потанина и Литваковского был создаваемый эпоху в истории стекольной промышленности новый метод ускоренного вытравливания стекла, созданный тов. Черединым. Талантливый инженер уделил скорости, т. е. уделил на том же оборудовании выпуск стекла. Это было, без преувеличения, революция в стекольном производстве. Новая скорость, как подчеркнул министр тов. Гинзбург, — главное звено технического перевооружения стекольной промышленности. Скорость является влечет за собой прогресс всех остальных элементов технологии стекольного производства.

В распоряжении тт. Потанина и Литваковского было тщательно и детально разработанный технический план на 1947 год, в котором было записано, что именно надо внедрить в промышленность.

Были ли люди для осуществления поставленной задачи?

Да, были! На заседании выступил зам. министра по кадрам тов. Наточий. Он сообщил коллегии, что стекольная промышленность значительно лучше других отраслей обеспечена командными кадрами — здесь работает много крупных и знающих специалистов, инженеров и мастеров, способных двигаться вперед новую технику.

Было ли достаточно власти у тт. Потанина и Литваковского, или, может быть, из-за их опекунства, дерзости, скрывавшей индифферентность, не давали развиваться?

Нет, эти люди были вполне самостоятельны в их оперативной деятельности, никто не мешал их организаторской работе.

Так, у тт. Потанина и Литваковского было все, чтобы двинуть вперед дело технического прогресса, чтобы внедрить новую технику, новую передовую технологию, чтобы распространить, сделать обязательным применение образцового примера работы рижского завода.

Что же нехватало тт. Потанину и Литваковскому? В чем корень их провала? Нехватало понимания того, что нужно круто перестраиваться на работу по-новому, положив в основу требования партии о техническом прогрессе. Руководители завода «нажились на плане», а новой техникой не занимались. И провалились! Скандално провалились!

Это было органическим следствием непонимания или той простой мысли, что гонимые темпы послевоенной индустрии, в частности огромное задание по стеклу, нельзя выполнять без самого решительного, самого смелого, самого широкого внедрения новой техники.

Участники обсуждения вопроса на заседании коллегии министерства — начальник планового отдела тов. Богуславский, начальник технического управления тов. Исидоров, известный новатор-стекольник, лауреат Сталинской премии тов. Королев, инженер Эралид, редактор газеты «Промышленность строительных материалов» тов. Казарцев, заместители министра тов. Митрахов, Ермолаев, Наточий и Басин, крупный знаток стекольного производства проф. Китайгородский и министр тов. Гинзбург с возмущением говорили о холождении, с которой глав встретил почин Черединого, о позорной безрукости, которую глав проявил в распространении метода новатора.

Руководство министерства в свое время высоко оценило начинание Черединого. Министр издал приказ, обязывавший глав внедрить новые скорости в первую очередь на трех заводах.

Что же глав? Он послал на заводы три бригады работников Института стекла и восторгался на это дело 180.000 рублей. А скорости? Скорости на заводах остались прежние. У руководителей глав нехватало желания внедрить метод тов. Черединого хотя бы на этих трех заводах.

Потанин и Литваковский не нашли в себе мужества признать справедливость критики, не пожелали ей встретиться, не помогли коллегии разобраться в положении дел.

Отношение тов. Потанина к критике достаточно ясно характеризуется следующим: когда газета «Промышленность строительных материалов» выступила в защиту новых скоростей, тов. Потанин не только не принял ее сигналы, но обиделся на критику и даже осмелился потребовать, чтобы статьи и заметки о работе стекольной промышленности представлялись ему на просмотр.

Тов. Литваковский выступил перед коллегией с речью, которая, в конечном счете, свелась к тому, что скорости, дескать, не внедряются из-за сопротивления и консерватизма... инженеров и мастеров заводов. Это огульное охаивание заводских работников, как в позиции тов. Литваковского в целом были резко осуждены выступавшими.

В заключительном слове министр тов. Гинзбург заявил:

— Консерваторы должны будут перестроиться. Мы их заставим это сделать или мы от них освободимся.

Вопрос о массовом переходе к новому состоянию будет обсужден на предстоящей конференции работников стекольной промышленности.

Н. ДНЕПРОВ.

Горе от...

досрочного пуска

Опережая время, вступила в строй на год раньше срока первая очередь Кондопожского целлюлозно-бумажного комбината имени С. М. Кирова.

В адрес строителей, монтажников, эксплуатационников посыпались поздравительные телеграммы. Но, к сожалению, на следующий день поздравители забыли о новорожденном летнем. Окруженный лесами Кондопожский комбинат вот уж которую неделю простаивает из-за отсутствия балансов и топлива. Вначале работники лесной промышленности говорили бумажникам: «Вас нет в плане снабжения древесиной». Пуск комбината намечался в конце 1948 года. Тогда бы мы обеспечили вас сырьем. Ждите лета».

Но стахановцы Кондопоги не хотят ждать. Они хотят возможно скорее дать стране больше газетной бумаги. Поэтому они и восстанавливают первую очередь комбината досрочно! Такими же темпами восстанавливаются вторая и третья бумагоделательные машины. Руководителям комбината удалось добиться наряда на получение 212 вагонов древесины на январь. Уже январь прошел, а обещанных вагонов нет.

Ближайшему лесопункту выгоднее давать древесину другим, менее взыскательным потребителям, ибо Кондопога нуждается в добротном слое балансов. Была случай, когда работники Министерства лесной промышленности Карелии переадресовали вагоны с лесом из других предприятий, считая Кондопогу, вступившую в строй раньше срока, чем-то вроде... незаконно рожденного. Создается странное положение: бумажники все свои усилия направляют на досрочное выполнение пятилетки в четыре года, а работники смежных ведомств, видя, что успехи кондопожских строителей, досрочно выполняющих план, приносят им дополнительные хлопоты в беспокойства.

На комбинате часто вспоминают приезд тт. Г. М. Орлова. В бытность министром целлюлозно-бумажной промышленности тов. Орлов горячо поддерживал идею досрочного пуска комбината. Более того, он не раз заявлял, что будет «ветным другим Кондопогой». Немного времени прошло с тех пор, как были сказаны эти сердечные слова, обещавшие восстановить Кондопожского комбината. Сегодня, когда возродившаяся Кондопога простаивает из-за отсутствия древесины, хочется спросить министра лесной промышленности СССР тов. Орлова, — помнит ли он слова бывшего министра целлюлозно-бумажной промышленности тов. Орлова о Кондопоге?

Бригада Союза советских писателей и «Литературной газеты»
В. АЗАРОВ, А. ДУНАЕВСКИЙ,
М. МАРЕНКОВ.
КОНДОПОГА. (По телеграфу).

В Союзе советских писателей СССР

29 января в Доме литераторов открылось совещание, посвященное русской поэзии 1947 года. Совещание организовано секцией поэтов и секцией по теории литературы и критики. С докладом выступил А. Тарасенков. Затем началось обсуждение, которое было продолжено 30 января.

В секции очерка и публицистики состоялось обсуждение книги А. Корсаева «Народ на трассе».

В обсуждении, шедшем под председательством М. Шагинин, приняли участие писатели и видные работники железнодорожного транспорта.

„Откедова? Откуля?“

С такими потрясающими по своей поэтической красоте вопросами обращается князь Олег к Милуе Селяниновичу в поэме Д. Петровского «Святослав». Художественное воплощение древней Руси в поэме Д. Петровского настолько поражает читателя, что он, под влиянием автора забыв русский язык, может лишь воскликнуть: — Откедова? Откуля?.. появились столь блестящие поэтические вопросы?

В поэме Д. Петровского все — от человека до коня, от моря до неба — поет, при этом поет «русскую» поэзию. Еще в предисловии автор дает свое программное определение поэзии:

Песнь — как обречено перо
Орла,
просвечивая оком,
Достоинством кажется намеком
На то, каков орел народ,
Что песню древнюю поет.

В «Заглавье» поэмы Д. Петровский призывает всех братьев любить «песнь вдов», а в главе «Вечная слава» дает, так сказать, философское определение поэзии:

Ты зыблешь, поэзия, — мой кумир!
Коль нам дано пред темной глыбой
Загадочной тайной стать веком.
— Без песни ясной как могли бы
Мы расковать утес веков.

Считая, что после этого читатель все же недостаточно убежден в значении поэзии, Д. Петровский щедро пересыпает всю поэму такими «перлами»:

Я песни скажу честную,
Вещанье государству,
сообщает Д. Петровский. А дальше поэзия перешла на бешеный галоп:

И песни похвалы,
И песни в смерть помчалась на добром коне...
И поднялась поэзия
И конем в степь помчалась...

И вынылали волчий след:
Да с оборотней драли мех...
Мы волкволяли волчьей поэзией...
И я, — нашед в степи подкову,
Согнуть велю ее тому,

Кто б вольно ее придала словом
И к коню...
На том коне я догоню
Вперед умахавшее веком.

Прибыло Ахиллово пятку
Вновь к быстрому коню.
И стремля звизжит,
И коню
Я в уло гикну,
Погоно.

Теперь уже читатель окончательно проникнут силой поэзии, силой творчества Д. Петровского. Теперь он уже не задает никаких вопросов, откуда появились поразительное творение «Святослав». Перелетел Д. Петровский. «Святослав», «Советский писатель», 1947 г., 170 стр.

М. МОРОЗОВ

Высоко держать честь Московского университета!

Наша газета указывала, что на филологическом факультете Московского университета смелая большевистская критика и самострижка нередко подменяются безудержным славословием по адресу отдельных ученых, объявляемых «квасом всякой критики». Статьи «Литературной газеты» встречали живой отклик среди студентов и преподавателей университета. Так, в последнем номере газеты-многопарашки Московский университет! напечатана статья тов. С. Галина «Высоко держать честь Московского университета!»

«Состояние дел на филологическом факультете», — пишет автор, — тревожит общественность университета. Факультет плетется в кусты событий. На один принципиальный вопрос советского литературоведения и языковедения не был поднят ни один из его ученых. А в тех случаях, когда такие вопросы поднимались с других трибун, наш филологический факультет выступал в роли защитника отсталых идей. На факультете обильно аплодировали буржуазной концепции Веселовского (профессор Поспелов), но не палили почти никого, кто бы с открытым забралом выступил с принципиальной критикой книги академика Виноградова «Русский язык». Обсуждение книги Виноградова превратилось в благодарственное молебствие, где усиленно откровенничали от критики «Литературной газеты».

В заключение тов. С. Галина пишет: «Жрецы чистой науки» с филологического факультета, поклонники формализма, повторяющие за либеральной наукой, — нет, это не Московский университет!

Слава Московского университета, основанного шастином вперед веком Ломоносовым! — высокая слава. Будем же дорожить этой честью, смело и любовно хватаясь за все новое и прогрессивное, все то, что делает советскую науку недоступной для буржуазных крокодилов!

Остается пожелать, чтобы статья тов. С. Галина помогла развратившейся большевистской критике и самострижке и явилась бы началом широкого и принципиального обсуждения всей постановки филологической работы на филологическом факультете Московского университета.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» В 1948 ГОДУ

Утвержден план издательства «Советский писатель» на 1948 год. В этом году издательство предполагает выпустить значительно больше книг, чем в 1947 году. Будет издано 240 книг общим тиражом около 6 миллионов экземпляров.

Советский читатель получит более сорока книг из библиотеки избранных произведений советской литературы. Среди них: «Жокей по мукам» А. Толстого, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Кочубей» А. Первенцева, стихи В. Маяковского, Д. Бедного, Н. Асеева, Э. Баргирского, В. Лебедева-Кумача и др. Подготовлена к печати книга альманаха «Гол 31». Входящие в него произведения посвящены темам послевоенной пятилетки. Среди новых книг — очерки Ю. Жукова «На Западе после войны», рассказ о послевоенной Европе и Союзенные Штаты Америки.

Значительно расширяется издание литературы братских народов. Будет издано более 60 произведений лучших поэтов и поэтов союзных республик. Среди них 2-я часть романа М. Ауэзова «Абай»; романы: Айбек «Навон», Кербасаев «Решающий шаг» и В. Лопеса «Буря».

Намечены к изданию сборники украинских, армянских, эстонских, латышских и литовских новелл, а также сборники произведений поэтов Литвы, Эстонии и Бурят-Монголии.

Ряд произведений русской классики войдет в большую и малую серии «Библиотеки поэта». Впервые предполагается издать отдельные сборники очерки и рассказы М. Горького «По Союзу Советов».

По разделу литературоведения будут изданы монографии о М. Горьком, А. Толстом, М. Шолохове, Э. Баргирском. Выкажутся М. Горького о литературе собраны в двухтомном сборнике «Вопросы литературы».

Советская быль и американские сказки

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ:

Английский биолог Джулиан Гексли, вернувшись после поездки в СССР, напечатал хвалебную статью о том, будто бы работники Всесоюзного института растениеводства во время блокады Ленинграда «ели» уникальную мировую коллекцию семян.

На самом деле все было иначе. Часть научных работников ВИР'а пошла добровольно на фронт (Ф. Тергера, А. Лусс, Н. Хорославский и другие), остальные, и среди них Е. Пальмова, создавая многие знаменитые сорта пшеницы, заведующий коллекцией пшеницы М. Якубинер и другие принимали готовить бесценные коллекции института к эвакуации в Краснофлотск.

Наконец, когда все было уложено, сотрудники с детьми и домашними, с багажом и чемоданами расцелись по местам, и был подан сигнал к отрыванию. Но поезд не пошел и в нескольких десятках километров. Остановка. Немцы случайно раздобылись, а потом захватили Мгу. Путь на восток перерезан так же, как на юг и на запад. Было приказано возвращаться. Но поезд не пошел до Ленинграда. Вагоны были отпущены и поставлены на запасный путь близ какого-то захудалого полуострова. Люди выпили из вагонов и пошли в горы, а вагоны с драгоценным грузом больше года перетягивались с одной станции на другую. Ждали, что вот-вот откроются пути и можно будет проследить на восток. И каждый раз, отсыкая свой груз в путанице развороченных взрывами путей и вагонов, научные работники ВИР'а несли около него непрерывную вахту.

В тот день, за час до того, как немцы захватили Мгу и отрезали Ленинград, проследил под бомбежками промешидый через Будущий последний поезд из Москвы. Москва послала на помощь Ленинграду эшелон морской пехоты. И среди бойцов в этом эшелоне был один штатский без шапки, без ветевого мешка, без чемоданов, вскачавший в вагон в последнюю минуту перед отходом поезда из Москвы.

Это был удивительный президент

Продолжение. Начало см. № 8.

Геннадий ФИШ

Академики сельскохозяйственных наук им. Ленина, доктор биологических наук И. И. Презент. Он ехал в Ленинград, чтобы помочь спасти бесценные коллекции, бесценных людей — научных работников.

Тот бы мог предположить, что в этом разном полемике, как многим казалось, кабинетном ученом, такая величественная организаторские способности, какие он проявлял, став организатором эвакуации институтов Академии сельскохозяйственных наук? Ведь для этого нужно было обладать не только теми качествами, которые Джулиан Гексли мечтает вывести в будущем человечество. Надо было обладать самозабвенной верностью долгу, безграничным альтруизмом, высоким чувством коллективизма. Без всего этого разве можно было, получая «то двадцать пять бакланов грамм с огнем и кровью пополам», спотыкаясь и сгорая по безлюдным улицам затемненного Ленинграда, дважды в день совершать путь от Исаакиевской площади, где помещается ВПР, до Смольного, где утверждались списки людей, подлежащих эвакуации, принимать участие в работах по сохранению коллекции и потом брести домой, в комнату на улице Мейялова, и там, склонившись над столом, при тусклом, мигающем свете лампы, согреть пальцы дышанием, писать книжку о женской биологической оценке растительных бедней фашистов?

Город застыл в колые блокады. Дорога через Ладожское озеро еще только прокладывалась.

Инженер запарного земледелия, директор ВПР'а академик И. Г. Эйфель был предоставлен самолет, чтобы вылететь из осажденного города. Он отказался.

— Я уеду только тогда, когда будут

эвакуированы все работники института, — сказал он. И разделял со своими сотрудниками все трудности и голодовку, эвакуировался из Ленинграда в последнюю очередь. А на предоставленный институт самолет погружали точные каталоги-описания и историю всех образцов коллекций пшеницы, ржи, ячменя и овса, — эти огромные родословные книги, без которых бесценная коллекция превратилась бы в простое пищевое зерно. В самолет усеялся сотрудник института Керим Мынбаев и Пальмова, бережно охраняя ящики с образцами семян кол-сагзы.

Бог-сагзы — каучуконос — необходим нам в борьбе за независимость — экономическую и оборонную. И поэтому раньше всего решено было перебраться из осажденного города на Большую землю семена кол-сагзы и людей, работающих над ним. Эта работа не должна была прекратиться ни на один день.

В один из ящиков, погруженных в самолет, М. М. Якубинер положил двадцатилетний свой труд «К познанию рода tritaceum» — свою сотую научную работу. Если что-нибудь случится с ним самим, думаю он, пусть улетит хотя бы его диссертация.

Но случилось наоборот. Трижды видевший смерть в глаза, признавший «бездальностью» и сляпкой с поэзией на страницах Волхов, М. М. Якубинер остался жить, а единственной потерей улетевших в тот осенний промозглый ледяной день был именно тот ящик, в который он упрятал свою рукопись.

В Ленинграде с каждым днем становилось все холоднее и холоднее. Дома не отапливались, в залах и рабочих кабинетах ВПР'а было так же холодно, как на улицах. Работники института несли противопожарную вахту на крышах, тушили загоревшиеся, сброшенные вражеской авиацией, Зениты, расемляясь от взрывов, стекла, приходилось забывать окна фанерой, и в комнатах теперь даже днем было темно.

Академик И. Г. Эйфель тревожила мысль — вдруг не захватил, а футуристка бомба будет сброшена на институт. И ко-

гда с той же тревожной однажды утром пришел к нему Якубинер, было решено снова разделить надвое все образцы коллекций и спрятать их здесь же во дворе, в помещении, прикрытом маршами непробиваемых каменных лестниц.

Надо было в полуоткрытом помещении, в колоде, когда казалось, что вышеслущая из стакана вода звякнет о пол ледяной, разбирать негнущимися пальцами и по шероховатости рассказывать сокровища института. Это была живая география. Зерно разбрасывали по странам и по сортам.

Вот Греция... Вспоминалась героическая борьба греческих патриотов против фашизма. Вот Испания... мягкая пшеница с севера, твердая пшеница Андалузии, пшеница Валенсии, эмер из Астурии, древняя одиозерника Ла-Манча, хлеб из которой вкачал когда-то рыцарь печального образа Дон-Кихот.

Вот Абиссиния... На нее первую обрушился фашизм. Этот бешеный разлив, мутные волны которого с шумом разбиваются теперь о каменный мол ленинградских защитников. Абиссинское зерно! Будто черным дождем омыты пшеничные поля вокруг Адис-Абебы. «Синдикатура» — черным злом называют ее в Эфиопии.

А зачем там барговы? Издали носовые ачмена можно принять за макые поля.

С каким бы наслаждением я съел ачменный хлеб! — мечтательно говорит Е. Капустина, забыв, что разговоры о еде здесь строго запрещены...

— Зачем такая экзотика — абиссинский ячмень? Разве может быть что-нибудь лучшее русского пшеничного хлеба, — убежденно заявляет «королева пшеницы» Евдокия Федоровна Пальмова.

— И в самом деле, — подхватывает Якубинер, он рад перевести разговор с еды на другую тему. — Разве не считается наша пшеница лучшей в мире? Разве точно не установлено, что пшеница нашего юго-востока содержит 21 процент белка против 13 процентов в пшеницах западных стран!

И он подымает палец. — А, во-вторых, — но он не успевает сказать, что именно во-вторых, потому что раздается пронзительный вопль сарены, возмущающей воздушную тревогу.

И выглянув через маленькую форточку, продолжая в закрытом фанерой окне, он видит пирамиду из мешков с пшеном, под которыми скрыт чужуный всадник, высоко вверх сумрачный купол Исаакия, прикрытый набухавшим, и пустую площадку перед «Асторией».

3. О картофеле, замитом в номбинизме, и о дороге жизни.

В том времени, когда были разобраны все ящики, рассортированы и разделены коллекции на две части. Презент привнес сообщение о том, что начинается эвакуация и что работники институтов Академии с-х. наук им. Ленина будут отправлены в первую очередь. Это было 13 января 1942 года. Презент с трудом перетянул ноги и был так бессилен, что даже привычный к дистрофикам Якубинер перепугался.

В комнате стояло несколько ящиков с неэкспортированными зернами, предназначенными для учебных целей. Якубинер сел из с полки и поставил на стол.

— Возьмите немного и подкрепитесь, — сказал он. — Это не коллекционное зерно, а учебное. Оно не представляет особой ценности.

Но Презент решительно отказался.

— Нет, — сказал он. — Нельзя трогать ни одного зернышка. Стоит только начать, и за учебными зернами пойдут и все остальные.

И тут же был написан приказ, по которому комнаты, где хранилась коллекция, опечатывались, и входил в них исключительно категорически воспрещалось. Ключи же хранились в сейфе у А. А. Пальмеевой, которая оставалась заведывать фангалом.

Потом был издан приказ о порядке эвакуации, по которому разрешалось брать с собой только рюкзаки с вещами. Так как было неизвестно, какой путь придется пройти по зимней дороге, и люди истомлены, приказ объявлял всех, а особенно тех,

у кого были дети, брать с собой маленькие сачки. Без них, — гласил приказ, — никто не будет взят! Это предусматривалось спасло почти всех эвакуированных детей. Никакого лишнего груза! Нельзя думать, конечно, о лошадках, но так как людям надо спать в дороге, и так как у многих, особенно у тех, кто ушел на Пушкина налегке, не было теплой одежды, приказ рекомендовал шить комбинезоны, а в качестве подкладки, или вернее, прокладки, употребить пух из перин и подушек. И тепло, и мило спать! Это был страшный, ни на что непохожий парад. Подушки у Якубинера были не пуховые, а набитые перьями. И остря эти перья пробивались и вылезали отовсюду через пробы, из которой ему шло комбинезон. Друзья его иначе теперь не называли, как «пашетер».

Старший научный сотрудник Вознесенская и кандидат наук Лехович оставались в Ленинграде. Специалисты по картофею, они сейчас больше всего были озабочены судьбой своих коллегий. Если семена злаков можно было проращивать спокойно сохраняя два-три года, то что бы картофель не погиб, его нужно проращивать ежегодно. Будет ли возможность сажать его весной в Ленинграде, неизвестно. И поэтому необходимо все, что можно, переправить на Большую землю. Но, к несчастью, семена картофея — клубни — самые тяжелые семена. Их было много сортов — и выведенных здесь, и «собранных со всего света. Вес их достигал нескольких тонн. Было решено записать в комбинезон по одному клубну, чтобы не было большой «контрабандной» нагрузки и чтобы спасти хоть малую часть лучших ракушечных образцов. Так и сделали. Тщательно просматривали каждый клубень и предпочтительно отдавали тем, у которых больше глазков.

(Продолжение следует)

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: А. БАУЛИН, В. ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.